

своими личными изысканиями. Кто, собственно, в наше время открыл, обнаружил и комментировал большую часть документов? — чиновники, состоящие при хранилищах документов. Благодаря этому замедлилось составление общей описи исторических документов. Оказалось, что лица, обязанные по своей профессии составлять описи документов, всего больше имели возможность обходиться без инвентарей»¹.

Дать сведения о существующих печатных и рукописных научных описаниях собраний древних рукописей не входит в задачу настоящей книги. Это задача археографии. Укажу только, что почти в каждом крупном хранилище рукописей имеется более или менее обширное справочное собрание печатных описаний рукописей. К сожалению, ни одно из рукописных хранилищ не имеет полного собрания всех печатных описаний.

Вот почему текстолог в розыске печатных и рукописных описаний рукописей, в установлении местонахождения этих собраний, в нахождении нужных ему списков должен в основном лично знакомиться с рукописными собраниями и хранилищами, вести розыски путем консультаций у специалистов-археографов — устно или через переписку. Многочему могут помочь товарищеские связи с лицами, занимающимися рукописями. Ни в одной научной области взаимопомощь специалистов не играет, вероятно, такой большой роли, как в археографии.

Составление научных описаний рукописей

Научные описания составляются по собраниям (собрание М. П. Погодина, собрание Ф. А. Толстого, Синодальной библиотеки, библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, Казанского университета и т. д.). Эти собрания чаще всего сохраняются в составе крупных рукописных хранилищ как единое целое. Сохранять собрания важно потому, что тем самым облегчается изучение происхождения рукописи, облегчается добывание необходимых для текстолога сведений о том, кто и когда изучал данное собрание или данную рукопись, находящуюся в этом собрании, облегчается сохранение традиционных шифров (многие из которых могли уже упоминаться в исследовательской литературе) и т. д.

Насколько важно хорошо знать историю фондов отдельных рукописных собраний и насколько опасной бывает перемена номеров рукописей и пере-

¹ Цитирую по той же книге (С. 24–25).

несение рукописей из одного собрания в другое, а также перемена названий рукописей, видно из ряда недоразумений, которые случаются иногда даже с очень опытными археографами, знатоками рукописного материала. Приведем заметку, помещенную Л. А. Твороговым в «Псковской правде» от 2 декабря 1945 г. и описывающую характерный в этом отношении случай. Заметка называется «Холмогорский список псковской летописи»: «В 1829 году в Холмогорах, в архиве местного собора, ученым археографом П. М. Строевым был найден старинный список псковской летописи. После смерти П. М. Строева сведения об этой летописи были опубликованы (в 1882 году) в посмертном издании его библиографических материалов»¹. В 1935 году на основании этой публикации Институт истории Академии наук СССР предпринял через Всесоюзную библиотеку имени В. И. Ленина розыски этой летописи. Розыски оказались безуспешными. В 1941 году Институт истории объявил в своем издании псковских летописей об ее утере². На самом же деле Холмогорский список псковской летописи никогда не терялся. В 1829 году он был вывезен из Холмогор П. М. Строевым и положен в основу его будущего личного собрания старинных рукописей, в котором был зарегистрирован под № 1. Когда Археографическая комиссия приступила к изданию актов, собранных Археографической экспедицией, П. М. Строев передал летопись в Комиссию, которая и напечатала из нее послание митрополита Симона псковичам (1504 года). В 1842 году Строев передал эту летопись историку М. П. Погодину вместе со всем своим собранием старинных рукописей. В собрании Погодина она была зарегистрирована под № 1402. В 1851 году Погодин, в свою очередь, продал все свои старинные рукописи, в том числе и вывезенную Строевым из Холмогор псковскую летопись, Государственной Публичной библиотеке (ныне имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), где она хранится и по настоящее время. Институту истории Академии наук СССР эта летопись была известна под названием «Погодинского 2-го списка»³.

Необходимо строго различать типы описания рукописей. Это, во-первых, охранное описание рукописей; во-вторых, путеводитель по тому или иному собранию или фондам; в-третьих, описание фондов, описание собрания или ряда собраний (в частности, история фондов — об этом я скажу дальше); в-четвертых, полное научное постатейное описание рукописей.

До сих пор между этими типами не установлено строгих различий. Больше всего распространен тип путеводителя — может быть, потому, что составление путеводителя значительно легче составления строго научного постатейного описания и не требует исчерпывающих характеристик рукописей. Между тем исчерпанность описания — это самое трудное, что требу-

¹ Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. С. LIV. (Примечание Л. А. Творогова).

² Там же. (Примечание Л. А. Творогова).

³ Псковские летописи, вып. 1. С. XV–XVI. (Примечание Л. А. Творогова).

несение рукописей из одного собрания в другое, а также перемена названий рукописей, видно из ряда недоразумений, которые случаются иногда даже с очень опытными археографами, знатоками рукописного материала. Приведем заметку, помещенную Л. А. Твороговым в «Псковской правде» от 2 декабря 1945 г. и описывающую характерный в этом отношении случай. Заметка называется «Холмогорский список псковской летописи»: «В 1829 году в Холмогорах, в архиве местного собора, ученым археографом П. М. Строевым был найден старинный список псковской летописи. После смерти П. М. Строева сведения об этой летописи были опубликованы (в 1882 году) в посмертном издании его библиографических материалов»¹. В 1935 году на основании этой публикации Институт истории Академии наук СССР предпринял через Всесоюзную библиотеку имени В. И. Ленина розыски этой летописи. Розыски оказались безуспешными. В 1941 году Институт истории объявил в своем издании псковских летописей об ее утере². На самом же деле Холмогорский список псковской летописи никогда не терялся. В 1829 году он был вывезен из Холмогор П. М. Строевым и положен в основу его будущего личного собрания старинных рукописей, в котором был зарегистрирован под № 1. Когда Археографическая комиссия приступила к изданию актов, собранных Археографической экспедицией, П. М. Строев передал летопись в Комиссию, которая и напечатала из нее послание митрополита Симона псковичам (1504 года). В 1842 году Строев передал эту летопись историку М. П. Погодину вместе со всем своим собранием старинных рукописей. В собрании Погодина она была зарегистрирована под № 1402. В 1851 году Погодин, в свою очередь, продал все свои старинные рукописи, в том числе и вывезенную Строевым из Холмогор псковскую летопись, Государственной Публичной библиотеке (ныне имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), где она хранится и по настоящее время. Институту истории Академии наук СССР эта летопись была известна под названием «Погодинского 2-го списка»³.

Необходимо строго различать типы описания рукописей. Это, во-первых, охранное описание рукописей; во-вторых, путеводитель по тому или иному собранию или фондам; в-третьих, описание фондов, описание собрания или ряда собраний (в частности, история фондов — об этом я скажу дальше); в-четвертых, полное научное постатейное описание рукописей.

До сих пор между этими типами не установлено строгих различий. Больше всего распространен тип путеводителя — может быть, потому, что составление путеводителя значительно легче составления строго научного постатейного описания и не требует исчерпывающих характеристик рукописей. Между тем исчерпанность описания — это самое трудное, что требу-

¹ Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. С. LIV. (Примечание Л. А. Творогова).

² Там же. (Примечание Л. А. Творогова).

³ Псковские летописи, вып. 1. С. XV—XVI. (Примечание Л. А. Творогова).

как будто бы сама по себе она не имела никакой истории, т. е. дается формальное описание рукописи в ее наличном виде. Поэтому мне кажется, что в научное описание той или иной рукописи должны непременно включаться данные об ее истории, об ее происхождении. И, следовательно, история фонда, в который входит рукопись, непременно должна разрабатываться.

Литература по рукописи должна включаться в описания под знаком истории данной рукописи и истории фонда. Очень часто в литературе о рукописи сообщаются неточные, ошибочные сведения, и это обязательно должно отмечаться в описании рукописи (само собой разумеется, с указанием на ошибки), так как это часть истории рукописи.

Насколько важно и интересно изучать историю фонда, показал доклад американского ученого Д. К. Уо в Секторе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР¹. Он анализировал в своей работе историю Строевского собрания, вошедшего в Погодинское Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, и дал очень много выводов по тем или иным строевским сборникам. Я не буду сейчас излагать содержание доклада.

Но Даниэль Уо, разумеется, не пионер в исследовании истории фондов. Дело в том, что этому придавалось чрезвычайно большое значение Л. А. Твороговым. Он выпустил в Пскове в 1957 г. брошюру «Сокровищница старой русской книжности». В брошюре ясно указано на необходимость собирать рукописи по старым собраниям и изучать историю фондов².

Отмечу, что В. И. Малышев также указывал на необходимость сохранения фондов и изучения их в связи с необходимостью изучать традиции того или иного края³. Это делал Л. А. Дмитриев для карельских фондов Древлехранилища Пушкинского Дома⁴. Можно привести еще ряд примеров того, что до Даниэля Уо комплексным изучением занимались многие люди, но все это делалось разрозненно, разобщенно; не создавались традиции изучения фондов, не создавались методики изучения фондов, инструкции по изучению фондов, кроме той инструкции, которая была составлена Международным комитетом славистов.

Комплексное изучение истории рукописей и рукописных собраний становится все более насущным и результативным. Комплексность входит в изучение рукописей, следуя в этом отношении за развитием принципа комплексно-

¹ Д. К. Уо. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977. С. 133–164.

² См. рецензию Д. С. Лихачева на это издание (Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1957, т. 16, вып. 4. С. 378–379).

³ В. И. Малышев. 1) Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960; 2) Древнегреческие рукописи Пушкинского Дома (Обзор фондов). М.; Л., 1965.

⁴ Л. А. Дмитриев. Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 330–337.

сти в текстологии. Изучение рукописей в составе собраний аналогично изучению текстов в окружении других текстов. Мы должны заниматься «конвоем» рукописей так же, как «конвоем» текстов, и историей рукописей — как историей текстов.

Отмечу, что принцип комплексности изучения рукописей совершенно исключает возможность избирательности в изучении и описании рукописей. Скажем, исключение из научных описаний так называемых церковных произведений, преимущественное внимание к так называемым светским произведениям не должно иметь места. Рукописи во всем своем составе должны пользоваться одинаковым вниманием составителей научного описания, если перед нами действительно научное описание. Стремление избежать описания церковных материалов приводит к крупным ошибкам¹, ибо отличить церковные материалы от так называемых светских очень трудно. В средние века нельзя оторвать церковные материалы от светских. Так или иначе церковные сочинения связаны со светской историей, а светские памятники в той или иной мере церковны, отражают религиозные основы средневекового мировоззрения. Рукопись должна изучаться целиком, во всем ее объеме, во всем составе, так же как и в составе всего собрания, а не выхваченная из этого собрания.

Таким образом, изучение рукописей и рукописных собраний становится сейчас все более сложным. К этому изучению предъявляются все большие требования, и с ним связываются все большие научные ожидания, умножаются, усложняются типы изучения и типы, в которые может вылиться результат этого изучения.

Надо сказать, что этот процесс только начался. Мы еще стоим у самого начала развития и усложнения изучения рукописей. Это усложнение происходит и с неславянскими рукописями, — скажем, на Западе, где очень развита кодикология и дают хорошие результаты кодикологические исследования. Но этот же процесс происходит и со славянскими рукописями.

Развитие и углубление изучения рукописей со всей остротой ставит вопрос о методе и методике изучения, приведении этого изучения к строго определенным типам и стандартам, к известной унификации и самих результатов изучения.

Самая важная проблема, которая стоит в связи с описанием рукописей, — это проблема надежности сообщаемых в описании сведений. Как известно, в технических и в точных науках проблема надежности сейчас — одна из самых важных. Иногда она становится даже определенной отраслью разработки.

Все виды обработки рукописей, которые я перечислил, могут помочь исследователю только в том случае, когда они дают совершенно надежные све-

¹ В церковных сочинениях очень часто погребены ценнейшие исторические материалы (Д. С. Лихачев. Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного). — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. С. 10–27.

дения. Если они дают ненадежные сведения, они мешают развитию науки, мешают исследователю, создают иллюзию изученности рукописи, иллюзию, которая рассыпается при обращении к конкретной рукописи. Очень много интереснейших памятников похоронено в описаниях рукописей из-за неправильных определений, которым исследователь верит, в результате чего проходит мимо этого памятника, не заглядывает в рукопись. Ошибки в описаниях рукописей задерживают их изучение иногда на многие годы и десятилетия.

Я хотел бы выделить четыре принципа надежности в области работы с рукописями. Сведения, помещаемые в научных описаниях, тем надежнее, во-первых, чем они более расчленены, во-вторых, чем они больше формализованы, в-третьих, чем точнее указываются их основания, т. е. на основе чего сделаны те или иные определения, в-четвертых, чем определеннее и точнее указание степени их вероятности, степени точности.

Так, например, можно сообщить о рукописи, что она первой половины XVI в. Но можно это сообщение расчленить — отдельно сообщить о времени бумаги, отдельно о времени почерка, отдельно о времени переплета и т. д. — и возможность ошибки будет менее вероятна. Тогда как сообщению просто о том, что рукопись первой половины XVI в., мы вообще не обязаны верить. Мы можем этому заключению верить только в том случае, если оно принадлежит очень авторитетному исследователю рукописей. Поэтому описание рукописи должно быть дано в такой форме, чтобы и работнику средней квалификации мы могли бы доверять.

Затем каждое из сообщений следует формализовать, т. е. сведения необходимо сообщать в формуле, которая равнялась бы термину и о которой не приходилось бы гадать, что означает то или иное выражение исследователя. Исследователь не должен быть волен в своих выражениях. Описание рукописи должно быть формализовано, даваться в формальных выражениях и в определенной, точной формальной последовательности. Это крайне важно и для того, чтобы сведения в будущем смогли быть заложены в «машинную память».

Далее, все основания для тех или иных датировок или определений должны быть подкреплены отсылками к соответствующим руководствам. Ниже я отмечу особо необходимость создания таких руководств. Только тогда, когда указаны основания заключений, мы можем видеть, в связи с чем определяется дата той или иной филигранны, — ссылками на какие руководства, на какие альбомы пользовался описывающий, в связи с чем устанавливается дата почерка, переплета и пр.

Далее, выводя то или иное заключение, мы должны указывать степень приближенности, степень предположительности этого заключения. Гипотеза это, догадка ли, или мы делаем заключение с абсолютной уверенностью. Допустим, перед нами ссылка на филигрань, — что она означает: означает ли это, что филигрань абсолютно точно соответствует времени и знаку в альбоме или лишь приближается к тому, что указано в альбоме?

Расчленение и формализация ответа, как уже было сказано, предохраняют от ошибок. Хочу показать это на следующем примере — на примере с языком рукописи. Вопрос о языке, о языковом изводе чрезвычайно важен. Тут иногда даже вмешивается политика: скажем, определить ли язык рукописи как болгарский или македонский, усмотреть ли в языке рукописи болгаро-сербские наслоения или извод молдаво-влахийский, и т. д.

Вопрос о языке рукописей важен во всех случаях. Относя рукописи к тому или иному языковому изводу, описывающий рукописи, даже если он лингвист, может сделать очень крупные ошибки. Настоящий лингвист не всегда берется точно утверждать, к какому языку относится рукопись. Скорее это будет безапелляционно утверждать не лингвист. И здесь расчлененность и формализация сведений могут значительно повысить надежность сведений по языку. Как определить извод рукописей болгаро-сербских или изменивших происхождение, когда в своей истории тексты пережили столько «переездов» из страны в страну — болгаро-сербские, болгаро-сербо-белорусские или русско-украинские? Что первичное, что на что наложилось и т. д.?

Ответ должен быть возможно более расчлененным и формализованным. Не следует в описании прямо и однозначно отвечать на вопрос о языке рукописи, а следует отметить наличие в тексте рукописи тех или иных языковых форм, которые могут дать основание будущему исследователю для отнесения рукописи к тому или иному изводу. Следует отметить употребление «юсов», орфографию, употребление «ятей», соотношение «ц» и «ч» и т. д. Все это важно, например, для новгородско-псковских рукописей. Следует, кроме того, искать антирусизмы, антисербизмы и т. д.

Это ответы на элементарные вопросы, и большего нельзя требовать от составителя описания рукописей, особенно если он не лингвист. Надо поручить специальной комиссии выработать инструкцию по описанию языка рукописей. Такая инструкция должна быть составлена как можно скорее. Требовать от описаний прямого, однозначного и безапелляционного ответа о языке рукописей преждевременно и опасно.

Самая важная часть описания рукописи — это, конечно, описание по содержанию. Разумеется, описание должно быть постатейным. И здесь определения должны обладать очень большой надежностью. Что значит «надежность» в гуманитарных науках? Поскольку выводы гуманитарных наук не перерабатываются немедленно в какие-то результаты, как в технике, как в конструировании действующих машин или аппаратов, приборов, постольку выводы эти не должны претендовать на жесткое выражение истины. В гуманитарных науках понятие «истина» — это по большей части цель, как и в науках точных, но это понятие должно носить более гибкий характер. И вот, как мне представляется, основное правило, которое следует принимать во внимание при описании научных рукописей: в гуманитарных науках вывод должен быть признан точным при условии точного определения его неточно-

сти, т. е. степени его вероятности¹. Вывод обязательно должен сопровождаться объективным определением: является ли он 1) безусловным, абсолютно точным, или мы имеем дело с 2) гипотезой, с 3) догадкой или с 4) предположением. Начинаящий ученый или просто плохой ученый обычно свои гипотезы и догадки выдает за абсолютно точные выводы. Это не только наивно, но и очень опасно; это не должно иметь места. Ученый, особенно описывающий рукопись, должен строго различать, о чем он только догадывается и в чем он абсолютно уверен, и отмечать основания своей уверенности. Как мне кажется, следует ввести в научные описания особый знак — «знак сомнения», или «знак предположительности». Дело в том, что оговорки нельзя делать очень многословными: описание должно быть формализовано, и оно должно быть кратко. Поэтому ставить после того или иного неточного утверждения «знак предположительности», мне кажется, было бы удобно. Наконец, наличие такого знака заставило бы исследователей употреблять его и задумываться над степенью достоверности вывода.

Может быть, можно воспользоваться знаком вопроса? Но вопросительный знак — это не знак предположительности, не знак степени вероятности. Чтобы не создавать типографских затруднений, я бы предложил пользоваться в качестве «знака сомнения», «знака гипотетичности утверждения» опрокинутым вопросительным знаком. Скажем, если филигрань рукописи не точно соответствует, но близко подходит номеру такому-то в альбоме Н. П. Лихачева, то после ссылки на этот номер можно было бы поставить опрокинутый знак вопроса. Нельзя требовать от составителя научного описания, чтобы он дал исчерпывающие сведения о рукописи, особенно в тех областях, в которых он не является специалистом. «Знак сомнения» предупреждал бы, что данное описание нельзя принять как окончательно установленное, что его нужно проверить самому в той или иной мере.

Но этого мало. Следует указывать, на основании чего сделан тот или иной вывод — по какому признаку и на основании каких предшествующих исследований. Так, например, если мы имеем дело с более или менее изученным памятником, в котором определены его редакции, то в описании, конечно, следует отмечать и редакцию данного памятника, но с обязательным указанием, кому принадлежит и в какой работе сделана классификация редакций, которой воспользовался автор описания. Например, указание на название летописи с отсылкой: А. Н. Насонов, работа такая-то, страница такая-то, или А. А. Шахматов, работа такая-то, страница такая-то. Если редакция памятника не соответствует сделанным научным классификациям, это тоже следует непременно отмечать, чтобы дать наводящий материал, — наводящие указания для исследователя.

¹ Точность определений, данных измерений, хронологических отнесений и т. д. не должна превышать известных, каждый раз своих, пределов (ср.: Д. П. Горский. О соотношении точного и неточного в точных науках. — В кн.: Логика и методология науки. М., 1967. С. 106; А. Н. Колмогоров. Предисловие к кн.: А. Лебег. Об изменении величин. М., 1960).

И затем, самое главное, — необходимо давать и начальные, и заключительные строки памятника. Это давно уже было принято в научных описаниях, но, к сожалению, часто сейчас игнорируется.

Инструкция для составления каталогов древнеславянских рукописей международной Текстологической комиссии¹ (это другая инструкция — не по описанию фондов) предлагает помещать первые фразы сочинения и последние. Эта хорошая традиция не должна забываться потому, что это один из принципов, увеличивающих надежность определения памятника. Первые и последние строки очень важны для определения редакции. Кроме того, надо иметь в виду, что под одним названием иногда фигурируют совершенно разные памятники, так же как один и тот же памятник иногда фигурирует под несколькими названиями. Первые и последние строки памятника помогают читателю ориентироваться в том, какое перед ним произведение.

Эксплицит (последние строки, конец текста) необходим еще и тогда, когда памятник обрывается или имеет другое продолжение, скажем, в житии святых, где рукопись останавливается на описании какого-либо чуда. Помещение в описании инципита (начала текста) и эксплицита — это старая гарантия надежности, старый способ, от которого мы не должны отказываться.

Еще вопрос, на котором я хочу остановиться: не задерживая начала работы над научным описанием рукописей, надо было бы продолжать исследования по отдельным вопросам, которые насущно необходимы: по истории письма, по филиграноведению, усилить работы по определению редакций известных произведений. Изучение вопросов, необходимых для описания рукописей, должно быть доведено до такого состояния, чтобы описывающий имел возможность ссылаться не на свои впечатления, а на совершенно точные номера в справочниках. Справочник по почеркам отсутствует. Имеющиеся руководства по палеографии не дают возможности ссылаться на них для определения почерка. Должны быть составлены справочники для описывающих рукописи, руководства. Только тогда описание рукописей сможет быть строже формализовано. Можно будет делать ссылки на определенные руководства и альбомы, и это повысит коэффициент надежности сообщаемых сведений.

Прежде всего для научного изучения рукописей надо широко организовать изучение истории письма, — именно истории письма, а не палеографии вообще. В палеографию входят и сведения об истории письма, и сведения по истории орнамента, и филиграноведение, и сведения по истории языка. Это все разные специальности, и они не могут развиваться в недрах одной палеографии. Поэтому историю письма, эту важнейшую часть палеографии, надо выделить в самостоятельную дисциплину и не объединять с теми разделами палеографии, которые должны развиваться в недрах искусствоведения или языкознания.

История кирилловского письма за последнее десятилетие не изучается совершенно. Издаются учебники и руководства по палеографии, но глубо-

¹ Slavia, Praha, 1963, roč. 32, seš. 2, s. 240–250.

ких исследований по истории письма не ведется. Думаю, что постановка этого изучения не под силу одному лицу. Это должно делаться учреждением: здесь нужны крупные мероприятия. История письма должна развиваться на основе массового фотографирования всех датированных, строго локализованных и именных, т. е. имеющих известных по имени писцов, рукописей. Это фотографирование должно производиться в натуральную величину рукописи и по возможности в цвете. Уменьшение или увеличение при фотографировании совершенно искажает представление о почерке и делает непригодными большинство альбомов и справочных таблиц по почеркам. Только на основе обширнейшей фототеки датированных и локализованных рукописей можно продвинуть вперед изучение истории письма. Каждая датированная и локализованная рукопись должна сниматься в нескольких экземплярах, чтобы можно было создать различные фототеки: по датам, в хронологическом порядке, по месту создания, по писцам, по скрипториям — в различных комбинациях.

В последнее время приходилось встречаться в описаниях с такого рода отметками по письму: «почерк первой четверти XV в.» или «почерк второй четверти XV в.». Такого рода «точность» ни на чем не основана, кроме впечатления, а впечатление может быть крайне ложное. Человеческая деятельность не ограничивается четвертью века, она может продолжаться полвека и больше, и за это время почерк не меняется. Почерк одного писца испытывает физиологические, а не палеографические изменения. Признаки старческого почерка тоже важны, но они датируют не рукопись, а только возраст писца. Неверно думать, что можно определить почерк с точностью до четверти века, тем более что почерки меняются по-разному: в центре они могут меняться быстрее, а в провинции медленнее. Вдали от городов даже в XIX в. писали почерком XVIII в., особенно старики. Датирование почерков с точностью до четверти века не должно допускаться, пока не создана настоящая история письма. Задача истории письма заключается в том, чтобы создать такие же альбомы, какие созданы по филиграням, с нумерацией почерков, чтобы мы могли действовать при описании почерка не по впечатлению, а ссылаться на номер почерка, как мы ссылаемся на номер водяного знака.

Отмечу кстати, что в Югославии недавно вышла «История сербской кириллицы» П. Джорджича¹. Джорджич не рассматривает орнамент рукописей, так как это должен делать искусствовед, — а занимается только историей письма, что, конечно, правильно. Но тем не менее альбом, приложенный к этому пособию (несколько сотен снимков), не может считаться составленным правильно, потому что там большинство почерков воспроизведено с уменьшением.

В изучении филиграней делается, конечно, гораздо больше, чем в изучении истории почерков, но и в этой области делается не все, что необходимо для научных описаний рукописей. Прежде всего необходимо дальнейшее изучение вопроса о залежности бумаги, т. е. о разрыве, который существует между датой выпуска бумаги и датой ее использования в различных местно-

¹ Петар Ђорђић. Историја српске ћирилице. Београд [1971].

стях. Здесь должны быть собраны статистические сведения, и эти сведения должны быть сведены в таблицы, чтобы можно было на них ссылаться.

И затем — вопрос, который поднял уже упомянутый мною американский исследователь Д. К. Уо, — это создание сводного каталога филигранных альбомов. В научных описаниях мы имеем обычно много ссылок на альбомы филигранных альбомов. Но в чем недостаточность этих ссылок чаще всего? Мы не знаем, были ли доступны для описывающего все или только некоторые альбомы. Может быть, составитель описания не имел доступа к отдельным альбому. Не во всех научных собраниях рукописей имеются все альбомы. Поэтому ссылки на филигранные альбомы должны иметь «ключ»: какие пособия были использованы составителем описания. Работа по розыску филигранных альбомов могла быть значительно упрощена, если бы мы воспользовались копировальной машиной, пропустили через нее все имеющиеся альбомы и расположили полученные оттиски в едином нужном порядке. Ссылки должны были бы, конечно, делаться на альбомы, а не на полученный в результате копировки свод, но розыск филигранных альбомов составителем научного описания рукописей был бы значительно облегчен. Свою полезную идею Д. К. Уо хочет осуществить сам и передать экземпляры составленного им свода в главные хранилища Советского Союза. Это было бы очень нужно, и мы были бы ему очень благодарны за ее осуществление.

В заключение я бы хотел сказать следующее. В настоящее время научный работник, создающий научное описание рукописи, имеет перед собой один документ: это своего рода анкета, на которую он должен давать ответы в определенном по этой анкете порядке. Я думаю, что этих документов в руках описывающего должно быть больше. Прежде всего, анкета должна быть, но с более расчлененными вопросами, чем, как я уже говорил, это принято сейчас. Во-вторых, должна быть создана подробная инструкция — как на эти вопросы отвечать, даны формулы ответов. В-третьих, должны существовать руководства, созданные специалистами для описывающих рукописи.

В библиографии есть понятие ключа к библиографии. Библиография обесценивается, если к ней нет ключа. Ключ должен быть и к описаниям рукописей. Он должен быть такого рода: что знает описывающий; какая у него в руках справочная литература; на основании чего он делает определения — на основе собственного опыта, на основе случайно попавшихся материалов или на основе всей справочной литературы по данному вопросу. Научное описание — это такого рода работа, которая легко может быть сделана очень плохо и которая может быть даже вредна, потому что определить, что она сделана плохо, напротив, очень нелегко. Но она может быть такова, что ее можно представить в качестве кандидатской и даже докторской диссертации.

Кстати, настоящая научная работа по описанию рукописей иногда более сложна, более квалифицирована, более рекомендует описывающего как ученого, чем статьи, которые печатаются в наших сборниках, или работы, которые подаются в качестве кандидатских диссертаций. И может быть, следовало бы подумать, чтобы поставить перед ВАКом вопрос о разрешении допускать к защите хорошо сделанные научные описания рукописей. Добро-

совестная работа по описанию рукописей — это настоящая и очень важная научная работа, требующая высокой научной квалификации. Хорошие научные описания, при наличии достаточно надежных оппонентов, должны были бы представляться в качестве диссертаций, если, конечно, эти описания будут иметь введения с описанием истории фонда или введения, ставящие принципиальные вопросы, связанные с описанием фондов. Полное по-статейное описание рукописей — серьезный научный труд, требующий своего признания как научного труда и детальной разработки своей методики. Это научная база, основание так называемых «базисных наук» в области исторической, лингвистической и литературоведческой¹.

Итак, научные описания рукописей составляются по различным схемам. Наиболее целесообразная и отвечающая потребностям текстологов — следующая:

1) Ш и ф р р у к о п и с и, под которым она хранится в собрании в настоящее время. Рядом с новым шифром ставятся те шифры, под которыми данная рукопись была известна ранее по рукописным или печатным каталогам, а также в исследовательской литературе.

2) Н а и м е н о в а н и е р у к о п и с и. Если рукопись не носит установившегося в науке индивидуального наименования (Мстиславово евангелие, Никифоровский сборник, Изборник Святослава 1073 г. и т. д.), то ставится наименование того типа произведений, к которым она относится («Торжественник», «Апокалипсис», «Измарагд», «Дамаскин» и т. д.), или отмечается ее общий тип (сборник проповедей, сборник исторических произведений, сборник различных произведений и т. д.). Если перед нами одно произведение, то полезно отмечать редакцию, к которой данное произведение относится, с обязательным указанием, кому принадлежит применяемая разбивка произведения на редакции («Хронограф» редакции 1617 г. по А. Попову; «Сказание о Мамаевом побоище» 2-й редакции по Л. А. Дмитриеву и пр.). Совершенно необходимо в наименовании рукописи отметить, в случае если перед нами сборник неопределенного состава, — одновременно ли он составлен или в него вошли рукописи разных почерков и разновременные («сборник разных почерков», «сборник разновременных рукописей» и т. п.).

3) А в т о р, если произведения рукописи имеют его («Творения» Максима Грека, «Откровение» Мефодия Патарского, «Сказание» Авраамия Палицына, «История Малороссии», приписываемая Георгию Конисскому, и т. п.).

4) В р е м я н а п и с а н и я р у к о п и с и. Если рукопись датирована, выставляется дата рукописи с обязательным указанием, на каком листе рукописи эта дата имеется. Если рукопись не датирована, — дата выставляется с указанием, по каким признакам она установлена («скоропись XVI в.», «старший полуустав XIV в.», «филиграни конца XVI в.: Лихачев №...» и т. п.). Определение типа и времени почерка и, особенно, филиграней (если руко-

¹ См. также: Д. Лихачев, С. Шмидт, Н. Покровский. Уважение к древности. — Правда, 1973, 14 авг.

пись на бумаге) обязательны¹. Если сборник под одним переплетом включает несколько рукописей, — отдельно определяется время каждой рукописи.

5) М а т е р и а л, на котором написана рукопись, если это не бумага (пергамен, береста и др.).

6) Д а н н ы е о я з ы к е и о р ф о г р а ф и и р у к о п и с и по возможности в расчлененном виде. Данные о языке важны для древнейших рукописей и имеющих явные признаки какого-либо извода (болгарского, сербского, новгородского и т. д.). Данные об орфографии могут касаться употребления юсов, южнославянских орфографических норм и т. д.

7) К о л и ч е с т в о л и с т о в, т е т р а д е й и р а з м е р р у к о п и с и. Нумеруются листы (а не страницы), причем отмечаются и чистые листы. Размер рукописи указывается в сантиметрах (32×24, 22×18 и пр.) и в традиционных форматных обозначениях (словами — в большой лист, в лист, в четверку, в осьмушку и пр. или цифрами: 1°, 4°, 8°, и 16° и пр.), необходимых для того, чтобы представить себе — во сколько раз сложен каждый лист рукописи.

8) У к а з а н и е н а х у д о ж е с т в е н н ы е э л е м е н т ы р у к о п и с и: инициалы, заставки, концовки, миниатюры. Указывается стиль украшений, количество миниатюр и листы, на которых они имеются. Отмечается техника исполнения.

9) Д л я н о т н ы х р у к о п и с е й — характеристика нотаций («знаменная», «демественная», «столповое знамя» и пр.).

10) Х а р а к т е р и с т и к а в с е х о т м е т о к, п р а в к и и з а п и с е й с воспроизведением важнейших (записей, касающихся времени написания, передачи другому владельцу, цены рукописи) и с указанием почерка и листов, на которых они сделаны («правка другим почерком», «приписки тем же почерком на л...» и т. п.).

¹ Насколько данные филиграней точнее данных почерков, можно довольно ясно показать на примере датировки отдельных томов Лицевого свода Ивана Грозного. Подавляющее большинство ученых до обследования Н. П. Лихачевым филиграней этого свода относило отдельные тома по почерку ко второй половине XVII в. и даже к концу XVII в. Среди этих ученых были такие знатоки, как М. М. Щербатов (считал, что Царственный летописец сделан по заказу Зотова для обучения Петра I), Н. И. Новиков, И. Е. Забелин, А. Ф. Бычков (в предисловии к т. IX ПСРЛ относил лицевые летописи к концу XVII в.), С. Ф. Платонов (предисловие к т. VI ПСРЛ), А. Е. Пресняков (в специальной работе «Царственная книга, ее состав и происхождение» относил ее к концу XVII в.), А. И. Соболевский (мнение А. И. Соболевского цитирует А. Е. Пресняков). Только после исследования Н. П. Лихачевым бумаги тома Лицевого свода стали датироваться точно — 70–80-ми годами XVI в. При этом Н. П. Лихачев заметил: «Я не знаю, можно ли привести такие особенности полуустава конца XVI столетия, которые могли бы безошибочно отличать его от полуустава второй половины XVII века» (Н. П. Лихачев. Из лекций по дипломатике. С. 249; см. также: В. Н. Щепкин, М. В. Щепкина. Палеографическое значение водяных знаков. — В кн: Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958. С. 325–346). Пользуясь данными филиграней, необходимо, однако, соблюдать большую осторожность: бумага могла залежаться на многие годы — на десятилетие и более, водяной знак мог сохраниться в работе фабрики дольше, чем это указано в справочниках по филиграням; и т. д.

11) **Характеристика переплета.** Отмечается отсутствие или наличие переплета и его характер: материал крышек (деревянные доски, картон), покрытие (кожа, шелк, бархат и пр.), тиснение, застежки, жуковины и пр., а также время, к которому он может относиться.

12) **Постатейное описание рукописи** является самым важным во всяком научном описании рукописей, а вместе с тем и наиболее трудным. Оно часто опускается в последнее время археографами или делается неполно и приблизительно (мы уже отмечали выше крайнюю вредность неполноты и приблизительности описаний). Между тем в постатейном описании рукописей не должны опускаться даже мелкие статьи (например, занимающие полстраницы в осьмушку). Если статья имеет название, известное в науке, — отмечается это название и выписывается название, которое носит сама статья в рукописи. Это делается потому, что названия древнерусских произведений — самая неустойчивая часть текста; названия в рукописях меняются, и по ним иногда совершенно невозможно определить — с каким памятником мы имеем дело. Поэтому еще, кроме научного названия и названия в рукописи, в описании даются первые и конечные строки памятника; они также помогают исследователю определить, с каким памятником он имеет дело, а иногда даже помогает приблизительно установить редакцию текста. Отмечаются также листы, на которых данная статья сборника написана. Если археограф решается определить редакцию произведения, — указывается, как мы уже писали выше, по какому делению на редакции им это определение произведено («вторая редакция по Шахматову», «первая редакция по Р. Дмитриевой» и т. д.). По возможности указывается автор произведения, для переводных памятников — оригинал или по крайней мере язык, с которого перевод сделан. Обязательно указывается библиография, если данный список опубликован и изучался.

Я перечислил кратко те части научного описания, которые необходимы для текстолога. Порядок описания может быть изменен, описание может включать и другие сведения, но подробные инструкции для описания рукописей — дело археографов. Наиболее обстоятельные сведения о том, как должны составляться научные описания рукописей, см. в «Сборнике инструкций Отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина¹.

¹ Сборник инструкций Отдела рукописей. Учет и обработка рукописных фондов, под ред. Е. Н. Коншиной. Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. М., 1955. С. 137–157. См. также: Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI–XIV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Сост. Л. П. Жуковская, Н. Б. Шеламанова. — Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 28–40; В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967. С. 162–184. — Сохраняют свое значение и работы прежних лет: В. Н. Петец. 1) К вопросу о рациональном описании древних рукописей. 2) Из лекций по методологии истории литературы. Киев, 1914. С. 241–244; 3) Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922. С. 60–61; Иван Огієнко. Як описувати рукописи (методологічно-критичні уваги). — *Byzantinoclavica*, 1932, гоđ. IV. С. 190–194.